
ЕСЛИ Я ПЕРЕСТАНУ ОТВЕЧАТЬ
ДВЕНАДЦАТЬ СТРАШНЫХ ИСТОРИЙ
МАРК ВЕРЕСК

Марк Вереск

Если я перестану отвечать

«Автор»
2026

Вереск М.

Если я перестану отвечать / М. Вереск — «Автор», 2026

Хозяин квартиры просил не отвечать соседке напротив. Только напротив — глухая стена.Отец звонит каждое воскресенье в семь десять. Даже после похорон.На форуме появляется ориентировка с фотографией человека, который ещё никуда не пропал. Снимок сделают только завтра.Двенадцать страшных историй начинаются с обычных вещей: аренды квартиры, подработки, семейной видеокассеты, найденной сумки. Их герои пишут в интернет, потому что больше не знают, к кому обратиться. Незнакомцы советуют, задают вопросы и ждут продолжения.Но постепенно в разных историях повторяются имена, предметы и голоса. А некоторые комментарии появляются раньше событий, о которых рассказывают.«Если я перестану отвечать» — сборник связанных мистических историй в форме постов, переписок и обновлений. О людях, которые пытаются спасти близких, выбраться домой и понять, кто отвечает им по ту сторону экрана.Прежде чем спросить «Что было дальше?», убедитесь, что хотите получить ответ.

© Вереск М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

История первая. Соседка напротив 5
История вторая. Мой отец звонит мне каждое воскресенье 13
История третья. Ориентировка 22
История четвёртая. Ужин на двоих 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Если я перестану отвечать

История первая. Соседка напротив

Пользователь: тихий_этаж
Опубликовано: вторник, 23:48

Хозяин квартиры попросил меня не отвечать соседке напротив.

Я тогда решил, что она пьёт. Или одалживает деньги. У меня была такая соседка в прошлом доме: выходила на лестницу с пустой кружкой и начинала с сахара, а заканчивала рассказом о сыне, которому срочно требовались три тысячи.

Но напротив моей новой квартиры — стена.

Пишу сюда, потому что хозяин больше не берёт трубку. И потому что я уже ответил.

Квартиру я снял в воскресенье. Обычная однушка в девятиэтажке, пятый этаж. До работы двадцать минут пешком, залог разрешили разбить на две части. После месяца на раскладушке у коллеги я был готов закрыть глаза на многое.

Хозяина звали Виктор. Он пришёл с пакетом из супермаркета, достал оттуда договор, ключи и новую душевую лейку. Старую, по его словам, забил известковый налёт.

Пока я проверял воду, он прикручивал лейку и придерживал гайку рукавом, чтобы не поцарапать. Мне это понравилось. Человек заботится о квартире — значит, с ним можно договориться.

Про соседку он сказал уже на выходе.

— Если женщина с той стороны заговорит, не отвечайте.

Я посмотрел на площадку. Две квартиры: моя и ещё одна, слева от лифта. Напротив нас тянулась стена, выкрашенная до середины в зелёный цвет. В верхней части кто-то когда-то провёл карандашом ростовую отметку: «Денис, 8 лет».

— С какой стороны?

Виктор переложил пустой пакет из руки в руку.

— Сами поймёте. Просто не разговаривайте с ней. Даже если просит помочь. Мне позвоните.

Я спросил, не больная ли она.

— Я вас предупредил, — сказал он.

И ушёл так быстро, что я не успел спросить пароль от вайфая.

В первую ночь ничего не произошло. Я собирал стеллаж, ел пельмени из кастрюли, искал в коробках зарядку. Лёг часа в два и проспал будильник.

В понедельник вернулся поздно. У меня работа с таблицами, но перед сдачей отчёта почему-то всегда получается так, будто мы вручную укладываем асфальт. Разогрел остатки пельменей и сел на кухне с ноутбуком.

В половине двенадцатого постучали. Три негромких удара. Я сначала принял их за звук в трубах.

Потом женщина сказала:

— Молодой человек. У вас соли не найдётся?

Голос был пожилой, немного одышливый. Так говорят люди, только что поднявшиеся по лестнице.

Я подошёл к двери и посмотрел в глазок.

Площадка пустовала.

Лампочка над лифтом светила ровно. На стене напротив виднелись карандашная черта и надпись про Дениса.

— Совсем чуть-чуть, — сказала женщина. — Я уже кастрюлю поставила.

Я стоял, прижавшись лбом к двери. Звук шёл прямо оттуда, куда я смотрел.

И тут вспомнил Виктора.

Телефон лежал на кухне. Пока шёл за ним, успел убедить себя, что женщина стоит в слепой зоне. Возле петель, например. Или на ступеньках.

Виктор ответил после первого гудка.

— Она пришла, — сказал я.

— Вы ответили?

— Нет.

— Точно?

Я сказал, что точно. Он попросил запереть дверь и до утра её не открывать. Голос у него был такой, что про слепую зону я говорить не стал.

— А утром?

— Утром можно.

— Виктор, вы можете объяснить, что происходит?

— Завтра приеду. Не отвечайте ей. Всё.

Женщина ещё постояла за дверью. Я слышал, как она дышит. Потом что-то тихо звякнуло — будто ложка ударилась о край чашки.

— Ну ладно, — сказала она.

Шагов я не услышал.

Сегодня утром на стене напротив обнаружилась дверь.

Я понимаю, как это звучит.

Коричневая, обитая дерматином. Внизу обивка отстала и загнулась треугольником. Латунный номер: 48.

У меня тоже сорок восьмая.

Я минуту стоял с мусорным пакетом в руке. Потом достал телефон, сфотографировал дверь и отправил Виктору. Он прочитал. Не ответил.

Мне пора было на работу. Я спустился на четвёртый этаж, чтобы проверить, не перепутал ли этаж спросонья. Там две двери. На шестом — тоже две.

На пятом их стало три.

Днём Виктор написал: «Сегодня не получится. Не контактируйте».

Я позвонил. Сбросил.

С работы вернулся в восемь. Дверь была на месте. Перед ней лежал клетчатый коврик, а к ручке был привязан пакет с батоном. В пакете скопился конденсат.

В десятом часу кто-то вышел из квартиры возле лифта. Я услышал замок и выскочил на площадку. Мужчина лет сорока нёс вниз велосипед.

— Извините, вы давно здесь живёте?

Он посмотрел на меня, потом на мою дверь.

— Давно.

Я показал на дверь напротив:

— А там кто живёт?

Он перехватил велосипед. Педаль зацепила перила.

— Вам к Виктору, — сказал он.

— Я у Виктора снимаю.

— Вот ему и звоните.

Я придержал велосипед за руль. Не собирался его удерживать, просто хотел поговорить ещё минуту.

— Подождите. Вчера этой двери не было.

Он дёрнул руль на себя.

— Руку убери.

Я отпустил.

На пролёте мужчина остановился, не оборачиваясь.

— Пока слышишь её с площадки, можешь съехать.

— В смысле «пока»?

Он уже спускался по следующему пролёту.

После этого я достал спортивную сумку и начал складывать вещи. Коллеге написал, что снова прошусь на раскладушку. Он ответил: «Приезжай, только купи хлеба».

Можно смеяться, но я почувствовал себя лучше. Обычное сообщение от обычного человека. Хлеба купить. Завтра на работу. Сейчас соберу ноутбук и уйду.

Постучали, когда я застёгивал сумку.

— Молодой человек?

Я замер в прихожей.

— Вы мне вчера не открыли. Я понимаю. Сейчас время такое.

Что-то зашуршало у порога.

— Я вам тут положу. Возьмёте потом.

Под дверью появилась белая полоска. Сложенный пополам листок.

Я его не тронул.

— У вас из ванной вода идёт, — сказала женщина. — В коридор уже натекло.

Я машинально посмотрел за спину.

Свет в ванной был выключен. Из-под двери тянулась тёмная блестящая полоса.

— Да чтоб тебя, — сказал я. — Сейчас перекрою.

Полоса воды доходила до щели между двумя досками ламината. Я видел её, прежде чем ответил.

Зашёл в ванную, включил свет.

Пол сухой.

Под раковиной сухо, у стиральной машины тоже. Я провёл ладонью по плитке у порога. Ни капли.

В прихожей женщина сказала:

— Спасибо, что ответили.

И ручка входной двери медленно опустилась.

Замок был закрыт. Я проверял его сам. Ручка вернулась на место, снова опустилась — до упора, с металлическим щелчком.

Я набрал Виктора.

Абонент недоступен.

Позвонил коллеге. Сказал, что у меня кто-то пытается войти. Он велел вызвать полицию и пообещал приехать.

Я вызвал. Не рассказывал про появившуюся дверь, только что неизвестная женщина дёргает ручку и я боюсь выходить. Адрес приняли.

Ручку больше не трогали.

Минут через пять женщина произнесла:

— Вы листочек прочитайте. Я там всё написала.

На бумаге было одно предложение, выведенное синим шариковым стержнем:

«ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРОЙТЕ СО СВОЕЙ СТОРОНЫ».

Я положил лист на тумбочку.

Вот теперь сижу на кухне и пишу это. Входную дверь вижу из-за угла. Сумка рядом. В комментариях наверняка посоветуют уйти через окно, поэтому сразу: пятый этаж, балкона нет.

Да, можно просто открыть дверь и выбежать. Я повторяю себе это последние двадцать минут.

Но у меня в коридоре пахнет варёной капустой.

До этого не пахло.

Комментарий пользователя beton_1979, 23:56

Не открывай. Жди наряд. Пусть сначала позвонят тебе с улицы, потом проверят этаж.

Ответ автора, 23:58

Спасибо. Так и сделаю. Коллега уже едет.

Комментарий пользователя лестничный_пролёт, 00:03

Когда будешь выходить, ничего у неё не бери.

Ответ автора, 00:04

Вы тоже здесь жили?

Комментарий удалён пользователем.

Обновление. Среда, 00:41

Приезжала полиция.

Они позвонили снизу, как я попросил. Потом поднялись. В глазок я видел двух сотрудников. Двери напротив не было — снова зелёная стена.

Я открыл.

Один остался у лифта, второй осмотрел замок, спросил, знаю ли я женщину. Я сказал, что нет. Он постучал соседу с велосипедом. Никто не открыл.

При свете на площадке всё выглядело настолько нормально, что я начал путаться. Рассказал про угрозы, хотя она мне не угрожала. Показал фотографию двери.

— Это когда снято?

— Сегодня утром.

Он увеличил фотографию, посмотрел на стену. Ещё раз на фотографию.

— Хозяину звонили?

— Не берёт.

Сотрудник записал телефон Виктора. Второй всё это время стоял у лифта и смотрел вниз, на лестницу.

Я попросил их подождать, пока возьму сумку. Они согласились.

Сумка оставалась на кухне. Я схватил её, проверил, что ноутбук внутри, и вернулся в прихожую.

Входная дверь была открыта.

А за ней стояла моя обувная тумбочка.

Такая же белая, со сколотым уголком. Сверху — чеки из магазина, ключ-шестигранник от стеллажа и сложенный лист.

Я смотрел на тумбочку через дверной проём. Потом повернул голову.

Моя тумбочка стояла справа от меня.

Из той, второй прихожей сотрудник полиции спросил:

— Вы идёте?

Его я не видел.

Там, где должна была быть лестничная площадка, шёл мой коридор. В конце горел свет на кухне. На столе стоял открытый ноутбук.

Я закрыл дверь. Навалился плечом, повернул ключ. Сумка упала, внутри что-то хрустнуло.

Мне позвонили почти сразу.

Тот же номер, с которого сотрудники звонили снизу.

— Вы зачем дверь закрыли?

Я спросил, где они стоят.

— Возле вашей квартиры. Откройте, пожалуйста.

На заднем плане кто-то кашлянул.

— Что напротив вас? — спросил я.

— Стена. Мужчина, вы выходить собираетесь?

Я попросил постучать.

В трубке раздались три удара.

В мою дверь никто не постучал.

Я завершил звонок и снова набрал полицию. Дежурная подтвердила: наряд был по адресу, сейчас сотрудники ещё возле квартиры. Я попросил, чтобы они спустились и встретили моего коллегу у подъезда. Сказал, что открою, когда он позвонит.

Она несколько раз переспросила, нужна ли мне скорая.

Наверное, нужна. Я согласился.

Обновление. 01:19

Коллегу зовут Паша. Он приехал, встретил сотрудников. Звонил мне по видео с площадки.

На экране я видел свою дверь. Паша показал номер, потом повернул камеру: напротив стена. Подошёл к ней и постучал костяшками.

Обычная стена. С зелёной краской. С надписью про Дениса.

Я тоже включил камеру. Показал ему прихожую, замок, сумку на полу.

— Ну открывай, — сказал Паша.

Я повернул ключ.

Он на экране шагнул назад.

Я взялся за ручку.

— Чего замер? — спросил он.

Я не мог заставить себя нажать.

Потом он сказал:

— Давай, я сумку возьму.

И с той стороны двери то же самое произнёс женский голос.

Не одновременно. Чуть раньше.

«Давай, я сумку возьму» — сказала она за дверью, а потом эти слова пришли из динамика телефона, голосом Паши.

Я снова запер замок.

Сейчас Паша внизу, ждёт скорую. Я попросил его больше ничего не говорить возле двери.

Виктор по-прежнему недоступен.

Простите, на комментарии отвечать пока не могу. Телефон приходится заряжать, а розетка на кухне. Я не хочу стоять к коридору спиной.

Обновление. 02:07

Виктор позвонил сам.

Он не спросил, что случилось. Сказал:

— Когда ответили?

Я рассказал. Про соль. Про воду. Про вторую прихожую.

Он молчал так долго, что я проверил, идёт ли вызов.

— На тумбочке листок остался? — спросил он.

Я сказал, что да.

— С другой стороны что-нибудь есть?

Я включил громкую связь, сходил за листом. С обратной стороны пусто.

Виктор выдохнул.

— Я дверь для вас закрыл, — сказал он. — Пришлось уехать, пока вы смотрели воду.

Я сел на пол.

В воскресенье он один уходил последним. Я оставался в ванной, проверял напор новой лейки.

— Вы знали?

— Я же предупредил.

— Почему вы не сказали нормально?

— Вы бы не остались.

Он сказал это сразу. Даже не попытался подобрать другие слова.

Я начал ругаться. Он слушал. Потом сказал, что сейчас надо прочитать ему записку дословно.

Я прочитал.

— Пока не откроете, она тоже не может, — сказал Виктор. — Утром будет проще. Придёт свет, услышите лифт, людей. Только сначала проверьте, где оказались. Я в первый раз до мусоропровода дошёл. Повезло, что жена окликнула.

— А с ней что?

Он не ответил.

— Виктор. С вашей женой что?

В трубке заскребло. Я решил, что он задел микрофон.

— Не берите её с собой, — сказал он. — Когда выйдете. Что бы там ни было, не берите.

И отключился.

Я ещё держал телефон у уха, когда заметил: скребёт не в трубке.

Кто-то писал на листке.

Я видел, как синий штрих проступает сквозь бумагу. Короткий, неровный. Ещё один. Как будто человек на другой стороне нащупывал место, куда поставить ручку.

Я бросил лист.

Он упал надписью вниз. На чистой стороне появилась буква «П».

Сейчас бумага лежит в прихожей. Я ушёл в комнату. Закрыл дверь, придвинул кресло.

Там всё ещё пишут.

С паузами. Иногда надолго останавливаются. Потом слышно, как кончик ручки снова касается пола.

Обновление. 05:32

За окном светает. Паша не уехал. Он сидит в машине у подъезда, прислал фотографию. На пассажирском сиденье лежит хлеб. Он всё-таки купил.

Почему-то от этой фотографии я заплакал.

Полиция говорит через него, что дверь придётся вскрывать. Я попросил подождать до утра. Не знаю, почему они согласились. Может, Паша сумел договориться. Может, уже считают меня больным и не хотят пугать.

Скорая уехала. Паша написал, что врачи могут вернуться, когда я выйду.

В прихожей тихо уже около часа.

Я убрал кресло. Открыл дверь комнаты.

Лист лежал возле тумбочки. На нём теперь было написано:

«ПАША НЕ УЕЗЖАЙ».

Моим почерком.

Свой почерк я узнал сразу. Когда тороплюсь, у меня буква «й» получается без дужки, я ставлю над ней две точки. Здесь тоже стояли две точки.

Я поднял лист кухонными щипцами. Не потому, что это что-то меняет. Просто руками не смог.

Под ним на ламинате была царапина. Короткая, дугой.

На той стороне листа, где женщина просила закрыть дверь, последнее слово исчезло. Теперь там написано:

«ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРОЙТЕ СО СВОЕЙ».

Я вернул бумагу на пол.

Мне кажется, я понял, откуда она мне её просунула.

Обновление. 06:18

Удалось выйти.

Паша наверху не говорил ни слова. Я попросил его оставаться на видеосвязи и показывать площадку. Смотрел на экран и приоткрывал дверь по сантиметру.

Сначала была чужая прихожая. Потом на экране погас свет: Паша дёрнулся, провёл рукой перед датчиком. Лампочка загорелась.

В щели я увидел его кроссовок.

Синий, с развязанным шнурком.

Я смотрел то на кроссовок, то на экран. Паша медленно пошевелил ногой. В щели нога пошевелилась тоже.

Я вышел.

Зацепился сумкой за ручку, чуть не упал. Паша поймал меня за локоть. Впервые за всю ночь кто-то до меня дотронулся.

Я оглянулся, когда он потащил меня к лестнице.

Моя дверь оставалась открытой.

Изнутри за неё держалась рука. Я видел только пальцы на торце, ниже замка. Ноготь на большом пальце почернел, как после удара молотком.

Я попросил Пашу захлопнуть дверь.

Он повернулся, взялся за ручку.

Пальцы не убрались.

Я закричал: «Не надо!» — но он уже дёрнул.

Дверь закрылась без всякого сопротивления.

Паша спросил, что такое. Я сказал, что забыл зарядку.

Больше к двери мы не подходили.

Сейчас я у него. Сумку оставили в багажнике, одежду я сложил в пакет. Паша дал мне футболку и спортивные штаны, заварил чай. Собирается отвезти меня к врачу, когда я немного посплю.

Я согласен.

Записку я не брал. Она осталась в квартире.

Спасибо всем, кто писал ночью. Особенно тем, кто просто оставался в комментариях. Я видел, как прибавляются сообщения, и это помогало.

Обновление. 09:46

Я не спал.

Паша уснул на диване, пока ждал меня. Я сидел на кухне. Потом захотел в туалет и пошёл в коридор.

Раньше я бывал у него десятки раз. Знаю эту квартиру. Справа ванная, прямо спальня, слева кладовка.

На двери кладовки теперь латунный номер 48.

Я стоял и смотрел на него, когда за дверью раздался мой голос.

— Паша?

Я не двигался.

— Паш, не уезжай, пожалуйста.

За моей спиной скрипнул диван.

Я добежал до гостиной, прежде чем Паша успел ответить. Зажал ему рот рукой. Он ударил меня в грудь, оттолкнул. Сейчас сидит напротив, злой, перепуганный, требует объяснить, что происходит.

Я дал ему телефон. Он читает этот пост с начала.

Пока он читает, я дописываю с ноутбука.

Из кладовки больше не зовут.

Там плачут.

Очень тихо, чтобы не разбудить человека на диване.

Я знаю, потому что вчера ночью точно так же плакал сам.

Комментарий пользователя лестничный_пролёт, 09:51
Сумку в багажнике проверьте. У неё на большом пальце чёрный ноготь?

Ответ автора, 09:53
Откуда вы знаете?

Комментарий пользователя лестничный_пролёт, 09:54
Ваша зарядка тоже здесь. Я положила её сверху.

История вторая. Мой отец звонит мне каждое воскресенье

Пользователь: после_семи
Опубликовано: воскресенье, 22:36

Папа звонил по воскресеньям, в семь десять вечера.

Не в семь. В семь он ещё смотрел новости. После прогноза погоды выключал телевизор, относил тарелку на кухню и набирал меня. Иногда я слышал, как мама на заднем плане просит не забыть спросить про машину.

Папа спрашивал про машину. Потом про работу. Потом говорил:

— Ну ладно. Мать дать?

Это и был весь наш разговор. Мы не ссорились, не были чужими. Просто ему легче давалось поменять мне колодки, чем сказать, что соскучился. А мне — принять эту помощь, чем позвонить первым.

В последнее воскресенье я сбросил вызов.

Ничего важного не происходило. Стоял в очереди за продуктами, смотрел короткие видео. На экране появилось «Папа», и я нажал боковую кнопку. Подумал, перезвоню из машины.

Забыл.

Он умер во вторник. Поэтому я хорошо знаю, что воскресный звонок ничего бы не изменил. За эти два дня мы ещё переписывались: он прислал фотографию собаки, я поставил сердечко.

Но когда говорят, что ты не виноват, это помогает только до следующего раза, когда вспоминаешь.

Первый звонок после похорон был через восемнадцать дней.

Воскресенье. Девятнадцать десять.

Я жарил лук. Увидел на телефоне «Папа» и решил, что мама нашла его мобильный. Мы собирались перенести оттуда фотографии, но всё откладывали.

— Да, мам.

Несколько секунд никто не отвечал. В динамике шуршало, словно телефон лежал в кармане.

Потом папа сказал:

— Ну что, доехал?

Я выключил конфорку.

Последний раз он спрашивал это, когда я возвращался от них в январе. Тогда шёл ледяной дождь. Я ехал медленно, и он звонил каждые полчаса, хотя обычно терпеть не мог мешать человеку за рулём.

— Пап?

— Слышишь меня?

Я сел на табуретку.

— Да.

— Ну и хорошо.

Раздался стук. Два раза, с паузой. Папа так выбивал сигарету из пачки, постукивая ею по ладони.

Я спросил, кто это.

Связь оборвалась.

Мама ответила сразу. Его телефон действительно был у неё. Выключенный, в ящике комода. Она достала его, долго искала кнопку, потом сказала, что он даже не включается — разрядился.

Я попросил никому не отдавать симку. Ей про звонок не сказал.

Всю следующую неделю читал про подмену номеров и мошенничество. Вы понимаете, какую версию я выбрал: утечка записей, синтез голоса, случайное совпадение. У папы был аккаунт в мессенджере. Наверное, сохранились голосовые. Я сам видел ролики, где заставляют говорить умерших актёров.

Я почти успокоился.

В следующее воскресенье он позвонил снова.

— Ты чего трубку так долго не берёшь?

Я заранее поставил на стол планшет и включил запись звука.

— Кто вы?

— Отец в пальто.

Так он отвечал, когда я в детстве кричал из комнаты: «Кто там?» В коридоре стоял, возился с замком, а я всё равно спрашивал.

— Если вам нужны деньги, скажите сколько.

Он помолчал.

— Серёж. Ты чего?

Я не выдержал и спросил, где он.

— Да здесь пока. Слушай, я вспомнить не могу. Мы когда тебя с рыбалки везли, ты ещё сапог потерял. Что я тебе сказал?

Я помнил ту рыбалку. Лет восемь мне было. Сапог засосало в ил, папа полез вытаскивать, тоже провалился. Вернулись к машине босиком, ноги вытирали моей майкой. Он потом всю дорогу смеялся.

— Ты сказал: маме скажем, что щука откусила.

В трубке что-то скрипнуло.

— Точно, — сказал он. — Вот оно как было.

Я зажмурился. Слышать его радость оказалось хуже, чем если бы он плакал.

Мы проговорили ещё минуты три. Я задавал вопросы, он отвечал невпопад. Спросил про маму, но не дослушал. Всё возвращался к той рыбалке: какая машина, кто сидел за рулём, что было завёрнуто в газету.

В конце сказал:

— Ладно. На сегодня хватит.

И отключился.

На записи был его голос. Я слушал её в наушниках до четырёх утра.

А в понедельник не смог вспомнить рыбалку.

Не отдельные детали — весь случай.

Знал, что рассказал о потерянном сапоге. Мог повторить услышанное на записи. Но никаких картинок в голове не осталось. Ни реки, ни машины, ни папы с моей майкой в руках.

У меня сохранилась фотография: я на капоте, босые ноги болтаются над номером. Рядом папа щурится от солнца. На заднем плане моя майка сушится на ветке.

Я посмотрел и подумал: надо же, оказывается, такое было. Тогда я ещё не связал одно с другим.

Комментарий пользователя ночь_без_звука, 22:49
Запись можете выложить? Хотя бы кусок, без личных данных.

Ответ автора, 22:52

Не буду. Ниже объясню почему. Пишу частями, всё сразу не получается.

Дополнение. Понедельник, 00:14

Всего звонков было семь. Сегодняшний — седьмой.

После третьего я заметил, что не помню, как папа учил меня водить. После четвёртого — как мы клеили обои в моей первой квартире.

Сами события оставались. Да, были обои. Да, учил. На старой дороге за гаражами, где почти никто не ездил.

Но я больше не мог оказаться там мысленно. Не слышал его замечаний, не видел, как он упирается ладонью в панель, когда я резко торможу.

Зато помнил, что ел накануне. Помнил лица одноклассников, которых не встречал двадцать лет. Терялось только то, о чём он спрашивал.

Я завёл тетрадь.

Перед пятым воскресеньем записал всё, что сумел вспомнить о папе. Сидел два вечера. Получилось двадцать три страницы. Он учил меня чистить картошку движением к себе, за что мама нас обоих ругала. Покупал на заправке две шоколадки: одну съедали по дороге, вторую приносили домой и делали вид, что других не было. Боялся ос, но называл это аллергией.

Пока записывал, иногда смеялся. Первый раз после похорон.

В воскресенье он спросил:

— А ты помнишь, как мы за шкафом сидели?

Я не собирался отвечать на вопросы. Подготовил целую речь: если это ты, скажи, что случилось, чем помочь, почему так происходит.

Но шкаф я вспомнил сразу.

Мне было пять. Шла гроза. Папа отодвинул шкаф от стены, устроил между ним и углом маленькую палатку из покрывала. Мы забрались туда с фонариком. Он сказал, что это подводная лодка, а под водой грома не слышно.

Я выложил ему всё. Даже то, что на фонарике был синий ползунок и папе приходилось придерживать его пальцем. Он слушал, не перебивая.

Потом произнёс:

— Хорошо здесь было.

Не «нам». Именно «здесь».

Я попросил объяснить, что это значит.

— Батарейки только сели, — сказал он.

Связь оборвалась.

Я сразу открыл тетрадь. Про грозу там была целая страница.

Читал и ничего не узнавал.

На следующий день поехал к маме. Хотел спросить про подводную лодку. Не успел.

Она встретила меня в прихожей со словами:

— Ты зачем ночью звонил и молчал?

Я достал телефон. Исходящих не было.

Она показала свой: звонок от меня, двадцать три сорок две, продолжительность — сорок восемь секунд.

— Я уж подумала, у тебя случилось что. Потом слышу, смеётесь вы там. Решила, нечаянно нажал.

— Кто смеётся?

— Ты. Маленький. Я сначала не разобрала. Потом ты сказал: «У нас торпеда кончилась».

В тетради этой фразы не было.

Мама улыбнулась, вспоминая.

— Ты же всё кричал тогда из-за шкафа. Папка тебе носки сворачивал, а ты их в коридор выстреливал.

Пока она говорила, я увидел носок.

Серый, с красной полоской. Он ударяется о ножку стула и разворачивается. Я сижу на корточках, упираюсь коленом в папино бедро. Фонарик греет ладонь.

Я вскочил так резко, что мама отступила к стене.

Воспоминание вернулось целиком.

Вместе с кое-чем ещё.

За покрывалом кто-то стоял. Я видел тёмную полосу между краем ткани и полом. Два носка домашних туфель, повёрнутых к нам.

Я раньше этого не помнил. Или забыл за тридцать лет. Мама ведь могла подойти к шкафу.

Я спросил её про туфли.

— У меня тапочки всегда были, — сказала она. — Какие туфли дома?

Больше я ни о чём не спрашивал. Попросил не отвечать, если ночью снова позвоню. Сказал, номер, похоже, украли.

Она рассердилась, что я сразу не предупредил.

Это был последний нормальный день.

Комментарий пользователя кедр_у_дома, 00:27

Может, дело в рассказе матери? Она описала, вы представили. Чужое описание иногда принимают за память.

Ответ автора, 00:31

Я тоже так решил. Проверил по тетради: вспомнилось то, чего она не говорила. Но да, понимаю. Я бы на вашем месте тоже искал объяснение.

Комментарий пользователя кедр_у_дома, 00:35

Тогда почему записи отца не возвращали остальное?

Ответ автора, 00:38

Потому что на записях об этом рассказываю я. А тогда мама рассказывала обо мне.

Дополнение. 02:06

Шестой звонок я записывал у друга.

Зовут Илья. Мы вместе работаем. Я дал ему послушать предыдущие записи, показал тетрадь. Он не поверил, но разрешил остаться на воскресенье.

Поставили телефон на стол. Илья открыл ноутбук и документ с моими заметками: я отсканировал тетрадь на работе.

— Будет спрашивать — не отвечай, — сказал он. — Я вопросы запишу. Потом разберёмся.

В семь десять зазвонило.

Отец сразу спросил:

— Ты кому меня включал?

Я посмотрел на Илью. Тот перестал жевать.

— Никому.

— Не надо, Серёж. Чужим не включай.

Голос был раздражённый. Настоящий папин голос, каким он разговаривал, когда я лез под машину, не поставив упоры.

Илья повернул ко мне экран. Напечатал: «СПРОСИ ПОЧЕМУ».

— Почему?

— Они потом вспоминают.

— Что вспоминают?

Он не ответил. Закашлялся. Долго, с трудом втягивая воздух. Я невольно потянулся к телефону, хотя что мог сделать?

— Папа?

Кашель прекратился.

— Маму не проси больше, — сказал он. — Я потом целую ночь держал.

— Что держал?

Илья встал. Медленно, отодвигая стул. Смотрел куда-то мимо меня, в коридор.

Я обернулся.

Ничего. Дневной свет, его куртка на крючке, пылесос возле стены.

Когда повернулся обратно, он стоял бледный, держась за стол.

— Выключай, — сказал он.

В телефоне отец тихо произнёс:

— Поздно. Он уже вспомнил.

Я разъединил вызов.

Илья сел. Потом попросил воды.

Мы минут десять молчали. Я ждал, когда он скажет сам.

— Ты знаешь, что у меня брат был? — спросил он наконец.

Не знал.

Они с братом в детстве провалились под лёд. Илью вытащили. Брата нашли весной.

Я не буду описывать подробности. Он рассказал немного и потом попросил никому не повторять. Достаточно того, что, пока говорил мой отец, Илья почувствовал под ладонями мокрый лёд. Такой настоящий, что проверил стол.

Он увидел брата подо льдом.

Потом поднял глаза и увидел его у себя в коридоре.

Я спрашивал, как он выглядел. Илья сказал: «Как зимой». И больше на эту тему не говорил.

Когда я уходил, он стоял возле стола. Проводить отказался.

В понедельник на работу не пришёл.

Во вторник написал, что взял отпуск.

В среду с его номера пришло сообщение:

«У тебя отец по какому дню звонит?»

Я ответил. Он прочитал.

На вопрос про брата не ответил.

Дополнение. 03:40

Сегодня я решил не брать трубку.

В восемь утра выключил телефон. Положил его в кухонный шкаф, ушёл гулять. Вернулся в девять вечера. Ни звонков, ни сообщений.

Позвонил маме с обычного телефона через приложение на компьютере. Она была в порядке. Смотрела сериал, жаловалась на давление у соседки. Я попросил её не ложиться рано, обещал ещё набрать.

Потом включил мобильный.

Было двадцать один семнадцать.

На экране появились часы. Цифры погасли, вместо них высветилось «Папа».

Я положил телефон на стол.

Он звонил очень долго.

Я смотрел на время на компьютере. Прошла минута. Вторая. Так вызов обычно не держится, но он держался.

Потом прекратился.

Пришло голосовое сообщение.

Длительность: одна секунда.

Я не включал. Сидел и смотрел на серый значок.

Сообщение стало длиннее.

Сначала две секунды. Потом четыре. Девять.

Телефон лежал передо мной. Я видел, как меняются цифры у уже полученного сообщения.

Потом экран погас.

И я услышал папу.

Не из динамика.

Из кухни.

— Серёж, ты помнишь, как меня в последний раз видел?

Я сидел в комнате. На кухне горел свет. За стеной звякнула ложка.

Мы так часто пили чай у родителей, что этот звук узнавался раньше голоса: он долго размешивал сахар, хотя клал всего пол-ложки.

Я не пошёл смотреть.

— На похоронах, — сказал я.

— Нет. До этого.

За три недели до его смерти я приезжал на выходные. В воскресенье он вышел проводить меня к машине. В тонкой рубашке, несмотря на мороз. Я сказал, чтобы шёл домой. Он всё стоял, пока я очищал стекло.

Потом положил мне на пассажирское сиденье пакет картошки.

Я разозлился. Сказал: «Пап, ну куда мне столько? Я выбрасываю половину».

Он вынул несколько картофелин из пакета. Стоял и держал их в ладонях, не зная, куда деть.

Я помнил, что сказал потом. Что он ответил. Как у него покраснели пальцы.

Но вслух произнёс только:

— Помню.

На кухне что-то задело стол. Поскребло по плитке.

— Расскажи, — сказал он.

Я смотрел на свет в коридоре.

— Зачем?

Он не отвечал.

— Папа, зачем тебе это?

Я услышал, как он втянул воздух через зубы. Так бывало, когда у него болела спина и он думал, что никто не видит.

— Хоть что-нибудь, — сказал он. — Нам тут надо где-то сидеть.

Я начал говорить.

Как он стоял у машины. Как вынимал картошку. Как я торопился и никак не мог найти скребок, хотя тот лежал на крыше.

Пока рассказывал, запахло холодным воздухом. Потом — папиным гаражом: бензином, древесной пылью и старой дублёнкой.

Из кухни потянуло так, будто там открыли окно.

Я уже собирался сказать, чем всё закончилось, когда заметил в коридоре снег.

Несколько крупинок возле плинтуса. Они не таяли.

Я замолчал.

С кухни донёсся скрип. Тот самый, который я слышал во второй звонок.

Снег у стены сдвинулся.

Я наклонился и увидел чёрный край. Резиновая подошва. Кто-то стоял за углом, в кухне, совсем близко к выходу.

Папа никогда не ходил по дому в уличной обуви.

— Дальше, — произнёс голос.

Я не ответил.

— Что я тебе потом сказал?

Я встал и закрыл дверь комнаты. Взял телефон, набрал маму. Она ответила сонная.

Я попросил рассказать про моё детство. Про любое воскресенье, когда меня не было дома. Спросил, что они делали вдвоём с папой.

Она не понимала, чего я хочу. Сказала, что мы все устали. Потом всё-таки вспомнила: однажды я уехал в лагерь, и они решили покрасить кухню. Купили слишком тёмную краску. Папа добавлял белила, пробовал на стене, пока у них не кончилась целая банка.

На кухне у меня стукнуло.

Мама продолжала. Рассказала, как они потом ужинали на полу, потому что стол был завален газетами.

Я ничего этого не видел. Не мог вспомнить. Меня там не было.

Запах гаража исчез.

Под дверью медленно растеклась вода. Немного — словно с мокрого ботинка.

— Спасибо, мам, — сказал я. — Я сейчас приеду.

Она спросила, случилось ли что-то.

Я сказал, что хочу к ней.

По дороге не включал музыку. Телефон лежал на пассажирском сиденье. Я всё поглядывал на него, ожидая звонка.

Его не было.

Когда доехал, в комнате уже горел свет. Мама открыла в халате, обняла меня. Я взял её за руки. Проверил, тёплые ли.

Она решила, что я окончательно свихнулся.

Мы сидим здесь до сих пор. Я пишу, она спит в кресле. Не могу заставить себя уйти в другую комнату.

Кажется, я понял, чего от меня хотели.

Пока я рассказывал, на кухне появлялось место. Холод, запах, снег. Если бы я договорил, там был бы весь наш последний разговор. И я сам — тот, который стоит у машины и смотрит на отца.

Только у машины тогда никто третий не стоял.

А подошва была чужая.

Комментарий пользователя кедр_у_дома, 04:02
Вы помните, чем закончилось прощание?

Ответ автора, 04:04
Да.

Комментарий пользователя кедр_у_дома, 04:05
Не пишите здесь. Я не спрашивал подробностей.

Обновление. Понедельник, 07:11

Я хотел удалить этот пост. Слишком многое здесь рассказал.

Но нужно оставить последнее. Если Илья читает — не отвечай на звонки. И никому не давай слушать записи.

В шесть сорок мама проснулась. Сходила на кухню поставить чайник. Я сидел за её компьютером, редактировал текст.

Она позвала меня.

На кухне лежал телефон. Папин. Тот самый, который она держала в ящике.

Чёрный экран. От зарядки отключён.

— Ты его достал? — спросила мама.

Я покачал головой.

Телефон зазвонил.

Экран не загорелся, но мелодия была настоящая, его старая мелодия с гитарой. Мама взяла трубку раньше, чем я успел дотянуться.

— Алло?

Я услышал себя.

Мне было лет пять.

— Мам, а ты помнишь, как мы меня в роддоме забирали?

Она посмотрела на меня. Рука с телефоном задрожала.

Я выхватил его, нажал кнопку отбоя. Ничего не произошло.

— Мам?

Я держал кнопку питания. Голос продолжал:

— Расскажи, как я домой приехал.

Мама стояла, прижав ладонь ко рту.

На заднем плане, далеко от телефона, кто-то тяжело дышал. Потом мой детский голос сказал:

— Здесь темно. Я не знаю, куда идти.

Я уже открыл рот.

Хотел сказать: стой там. Не бойся. Сейчас что-нибудь придумаем.

Но в трубке зашуршало. Раздался удар, короткий вскрик.

И папа сказал:

— Не напоминай ему дорогу.

Телефон выключился.

Мы сидим на кухне. Мама плачет, я держу её за руку.

Она шепчет, что я родился утром. Что папа приехал за нами на служебной машине, потому что наша не завелась. Что он принёс цветы и забыл шапку.

Я прошу её остановиться.

Она кивает, молчит немного.

Потом снова начинает рассказывать.

История третья. Ориентировка

Пользователь: кедр_у_дома
Опубликовано: пятница, 20:16

На фотографии я стою возле кофейного автомата. Держу стаканчик двумя руками, подбородок спрятан в воротник. На правом плече белая полоска — птичий помёт. Я заметил его уже дома.

Фотографию сделали сегодня утром.

А ориентировка, к которой она прикреплена, появилась на нашем форуме вчера.

Если кто-то из здешних поисковиков читает это, пожалуйста, не выезжайте. Даже если вас попросит координатор. Особенно если он скажет, что я уже откликался.

Я дома.

По крайней мере, пока.

На форуме я четвёртый год. Начинал с проверки ссылок: спамеры быстро поняли, что под публикациями о пропавших людях никто не торгуется с просьбами о помощи. Потом мне дали доступ к очереди сообщений. Работа простая. Проверить, есть ли контакт заявителя, не дублируется ли тема, не пытаются ли под видом поиска разыскать человека, который ушёл добровольно и не хочет, чтобы его нашли.

Я не руководитель и не полицейский. Форум не принадлежит одному поисковому отряду. Там несколько местных групп, родственники, волонтёры. Одни ищут людей в лесу, другие распространяют ориентировки, третьи сидят за компьютерами вроде меня.

В профиле у меня настоящее имя — Андрей. Фамилию здесь писать не буду. Боюсь, что это поможет тем, кто ищет.

Вчера в девять вечера я открыл отложенные сообщения. Их было шесть. Потерявшийся грибник, мужчина с нарушением памяти, девушка, которая нашлась, пока я проверял заявку. Две рекламы. И тема без названия.

Автор — удалённый пользователь.

Внутри только серый прямоугольник вместо фотографии и две строчки:

«Мужчина, 34 года. Одет не по погоде».

«Последний раз достоверно установлен в жилом помещении».

У нас так не пишут. Пишут, где человека видели, во сколько, в чём он был. Я решил, что кто-то не закончил форму, и отправил в технический архив. Там хранятся заявки, которые нельзя публиковать без уточнений.

Сегодня утром купил кофе по дороге на работу. Это новый автомат у остановки: сдачу не даёт, зато наливает почти до края. Я обжёг пальцы, пока искал крышку.

Вечером зашёл на форум и увидел свой снимок.

Тема вышла из архива. Заголовок теперь был:

«ПРОПАЛ МУЖЧИНА. 34 ГОДА».

Дата исчезновения — завтрашняя.

Я сначала подумал на Олега.

Мы с ним вместе модерируем. Он единственный на форуме, кто знает, где я работаю и какой дорогой хожу. Мы иногда пьём кофе, когда его ночная смена заканчивается одновременно с моей бессонницей.

Написал ему: «Очень смешно».

Он ответил: «Что?»

Я дал ссылку.

Он позвонил.

— Ты это зачем опубликовал?

— Я не публиковал.

— В журнале твой аккаунт.

Я открыл журнал действий. Публикация одобрена мной вчера, в 21:14.

В ту минуту я отправил её в архив.

— Фотка сегодняшняя, — сказал я.

— Может, похожая.

— Там куртка обосрана. Вот эта.

Я включил камеру, показал ему плечо. Куртка висела рядом на стуле. Олег попросил ничего пока не трогать. Сказал, посмотрит историю изменений с компьютера.

Я обновил страницу.

Под ориентировкой появился первый комментарий:

«На месте. Начинаем с подъездов».

Комментарий пользователя проходной_балл, 20:24

Если фотография с улицы, могли снять заранее и сегодня подменить вложение. Выгрузите журнал отдельно, пока не удалили.

Ответ автора, 20:26

Олег сохранил. Но там дальше не только фотография.

Дополнение. 21:03

У меня обычная девятиэтажка. Между домами детская площадка, сбоку школа, во дворе магазин в бывшей колясочной. Кто-нибудь почти всегда ходит под окнами.

После комментария про подъезды я подошёл к окну.

У соседнего дома стояли трое в жилетах. Двое смотрели в телефоны. Третий писал что-то на капоте машины. Я сфотографировал их и отправил Олегу.

Он не ответил. Был в сети, потом вышел.

На форуме появился ещё один комментарий:

«Проверены адреса проживания. Соседи подтверждают, что видели недавно».

Через минуту позвонили в мою дверь.

Я не открыл дверь, спросил, кто там. Женщина представилась волонтёром. Спросила, давно ли я видел мужчину с ориентировки.

— Я и есть мужчина с ориентировки.

Она помолчала.

— Откройте, пожалуйста.

Я посмотрел в глазок. Женщина лет тридцати, оранжевый жилет поверх пуховика, папка в руках. За ней парень с термосом. Оба мне незнакомы.

Открывать я не стал.

— Это ошибка. Меня никто не ищет. Я дома.

Она наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то за моей спиной.

— Вы один живёте?

— Один.

— Контакт родственника можете дать?

— С какой стати?

— Чтобы подтвердить личность и завершить поиск.

В этом был смысл. Но свой адрес я в заявке не видел. Поля с контактами были пустые. Родственников никто не опрашивал.

— Кто заявитель? — спросил я.

Женщина посмотрела на парня. Тот отвернулся к лестнице.

— У координатора уточните. Телефон в теме.

Я достал свой. Теперь под фотографией действительно стоял номер.

Мой номер.

Я сказал ей об этом.

Она подняла глаза к глазку. Обычное усталое лицо. Больше всего меня напугало, что она не удивилась.

— Мы этаж отметим. Если вспомните что-нибудь, напишите в тему.

Они пошли вниз. На площадке женщина сказала парню:

— Здесь отвечает.

Он что-то записал.

Я позвонил в полицию. Рассказал про ложную ориентировку и людей, которые пришли по моему адресу. Меня спросили, угрожали ли они, пытались ли войти. Я сказал, что нет. Предложили обратиться с заявлением, если мои данные распространяют без согласия.

Потом наконец перезвонил Олег.

Говорил тихо.

— Не удаляй тему.

— Почему?

— Я её скрыл на минуту. Ты где сейчас?

Я стоял в коридоре. Сказал ему.

— Свет есть?

— Да.

— А минуту назад?

Минуту назад, пока я говорил с дежурным, в квартире погас свет. Ненадолго. Я даже не отвлёкся от разговора — решил, опять выбило на этаже.

— Я вернул, — сказал Олег.

Дополнение. 22:18

Мы проверили ещё раз. Я настоял.

К тому моменту во дворе стояли уже две машины. У подъезда курили люди с рюкзаками. На детской площадке раскладывали большой лист бумаги.

Олег сказал, что закроет тему только для гостей. Сами модераторы продолжат её видеть.

Мы оставались на звонке. Я встал посреди комнаты и включил фонарик на телефоне.

— Давай.

Свет погас сразу.

Фонарик продолжал работать.

Я посветил на окно. Стёкла почернели, как экран выключенного телевизора. За ними ничего не было: ни двора, ни соседнего дома.

Потом луч выхватил снег.

Он лежал на полу возле дивана. Тонкий, грязноватый слой с чьими-то следами. Одна полоска протектора шла прямо под ковёр.

Я отступил. Под ногой хрустнуло.

— Верни, — сказал я.

Олег уже возвращал.

Свет зажёгся. За окном стояла женщина с фонарём, хотя я живу на седьмом этаже.

Она появилась всего на секунду. Луч упёрся мне в лицо, женщина крикнула: «Есть!»

Потом её не стало.

Во дворе одновременно подняли головы несколько человек.

На полу возле дивана остался мокрый отпечаток моего носка.

Олег не спрашивал, что я видел. Я слышал, как он дышит.

— Не делай больше, — сказал я.

— Не буду.

Под ориентировкой написали:

«Получен визуальный контакт. Голосовая реакция сохранена. Район уточняем».

Я пытался ответить там, что жив и никуда не уходил.

Моё сообщение превратилось в:

«Заявитель на связи. Поиск продолжается».

Комментарий пользователя чёрный_чай, 22:25

Не оставайтесь один. Пусть кто-то приедет и побудет рядом. Не из этих людей.

Ответ автора, 22:29

Олег едет. Мы сначала тоже решили, что нужно уехать самому.

Дополнение. 23:07

Из квартиры я вышел в половине одиннадцатого. Хотел спуститься пешком, выйти с другой стороны дома и взять такси у школы.

На лестнице было холодно. На пятом этаже я прошёл мимо женщины с продуктами. Она возилась с ключами, пакет упирался в колено. Внизу что-то гудело, наверное, меняли лампу.

Между четвёртым и третьим этажами ступени закончились.

Я не сразу это понял. Нога опустилась ниже, чем ожидал, подошва скользнула по земле. Я схватился за перила, но нащупал ветку.

Передо мной шёл узкий овраг.

В нём стояла вода. По краям лежал мокрый снег. Дальше, между деревьями, двигались огни.

Я обернулся. За спиной была лестница. Четвёртый этаж, синяя стена, коробка из-под телевизора под батареей.

Мой правый ботинок стоял в овраге, левый — на ступеньке.

Оттуда крикнули:

— Андрей!

Я дёрнул ногу назад. Ботинок вышел с таким чавканьем, что меня затошнило.

Кто-то издалека спросил:

— Слышите нас? Стойте на месте!

Я побежал наверх.

Женщина с пакетами всё ещё пыталась открыть квартиру. Когда я пронёсся мимо, она прижала к себе сумку.

— Там внизу что-то, — сказал я ей.

Она посмотрела на мой ботинок.

— Опять трубу прорвало?

Я велел ей не спускаться. Закрылся у себя, сел прямо на коврик.

Правый ботинок был мокрый до шнурков. В складке язычка застряла сосновая игла.

В теме добавили:

«След в секторе 4 подтверждён. Пропавший движется. На оклик реагирует отходом».

Я позвонил Олегу. Он уже подъезжал. Попросил его не заходить в дом, пока я не скажу.

Это всё ещё казалось мне ловушкой только для меня.

Дополнение. Суббота, 00:38

Олег приехал. Сидел в машине, показывал мне двор по видеосвязи.

Поисковиков не было.

Я стоял у окна и видел человек двадцать. Термосы, рюкзаки, светящиеся полосы на жилетах. Один мужчина держал собаку на длинном поводке.

На экране Олега тот же двор пустовал. Возле детской горки качался пакет.

— Где машина с открытым багажником? — спросил я.

Он обошёл площадку. Навёл камеру туда, куда я показывал.

Ничего.

Я видел его самого. Он шёл прямо через людей. Не задевал — они успевали отступить, как прохожие расступаются перед машиной. Собака отошла за спину хозяина.

Мужчина с поводком посмотрел вверх, на меня.

Я отошёл от окна.

Олег поднялся. На лестнице всё было в порядке. Между четвёртым и третьим этажом он даже постоял, подсветил ступеньки телефоном.

Когда он вошёл, я впервые за вечер смог нормально вдохнуть.

Мы сели на кухне. Олег положил на стол ноутбук, открыл резервную копию форума. Он успел сделать её до того, как я заметил людей во дворе.

В копии моя тема была пустой. Серая картинка, две строчки.

На живом сайте она занимала уже девять страниц.

Мы стали смотреть участников.

Аккаунты настоящие. Не созданные вчера, с нормальной историей: искали собак, спорили про навигаторы, покупали подержанные рации. Одну женщину я помнил по весеннему поиску, когда потерялся ребёнок.

Только последние сообщения у всех были давние.

Олег открыл профиль мужчины с собакой. Последний вход — три года назад. Под аватаркой чёрная полоска.

— Я его знаю, — сказал Олег.

Человека звали Михаил. Он погиб на поиске. Не на нашем. В другом районе, куда ездил помогать. На обратном пути машину занесло.

Мы нашли ещё четверых.

Про остальных просто не было сведений.

Я спросил, кто тогда сейчас пишет с их аккаунтов.

Олег посмотрел на окно.

— Может, они и пишут.

Дополнение. 02:12

В архиве обнаружилась похожая ориентировка. Девятилетней давности.

Тогда форум выглядел иначе, и старые темы перенесли почти без картинок. Из документов сохранился один снимок экрана. Мужчина у калитки, в руках пластиковое ведро. Подпись:

«Последний раз достоверно установлен в жилом помещении».

Строка в строку.

Автор темы был жив. По крайней мере, мы нашли свежие сообщения с его аккаунта в разделе садоводов.

Олег написал ему. Приложил две ориентировки, спросил, помнит ли он тот случай.

Ответ пришёл через восемь минут.

«Вы тему утверждали?»

Я ответил, что да, но отправлял в архив.

«Я тоже».

Мы попросили телефон. Он отказался. Сказал, будет писать здесь.

Тогда он тоже модерировал. Увидел незаполненную заявку, отложил. На следующий день появилась его фотография. К вечеру приехал штаб.

По его словам, сначала искали у дома. Потом отмечали места, где его видели. Подъезд. Двор. Дорогу к магазину.

Он попытался уехать на электричке. В тамбуре пахло хвоей. За дверью вагона стояли деревья.

Мы читали, не перебивая.

«Кто-нибудь рядом есть?» — спросил он.

Я написал, что друг.

«Пусть уходит, пока в теме его не описали».

В эту минуту на форуме появилось сообщение:

«Установлен мужчина, сопровождавший пропавшего. Опросить».

Я посмотрел на Олега.

На его джинсах, чуть выше колена, темнело мокрое пятно.

Он провёл по нему ладонью. Повернул её ко мне.

Грязь.

Дополнение. 03:26

Олег остался.

Мы пробовали связаться с настоящим поисковым отрядом. Женщина-координатор выслушала, проверила свои чаты. Такого поиска у них не было. Попросила ссылки. Сказала, узнает, кто использует чужие имена.

Я не дал ссылку.

Впервые за вечер понял, что лучше не давать.

Человек из архива всё ещё писал. Долго набирал каждое сообщение. В его истории спасение выглядело просто: он нашёл заявителя.

Я спросил, кто это был.

«Сначала тоже не было контакта. Потом телефон появился. Мой».

Дальше он попросил посмотреть номер дела.

Я открыл шапку своей темы. Крупный заголовок, фотография, приметы. Внизу мелким шрифтом:

«Проверка № 48. Заявитель ожидает у места обнаружения».

Я написал ему.

Он долго не отвечал.

Потом:

«Значит, ещё не нашли».

В кухне захрустел пол. Олег поднял ноги с линолеума.

Под столом лежали сухие листья.

Один прилип к мокрому носку и потянулся за ним.

Попросил Олега проверить площадку. Только площадку, не спускаться.

Он вернулся через несколько секунд.

— Там лента, — сказал он.

На перилах была привязана красно-белая полоска. За ней лестница уходила в темноту.

Телефон завибрировал.

В шапке темы появился дополнительный снимок.

На нём лежал человек.

Куртка та же, что у меня. Брюки тоже. Одна рука подвернулась под туловище, лицо смотрело в землю. Белая полоска на плече была хорошо видна.

«Для служебного использования. Не распространять».

Я увеличил фотографию.

Куртка лежала рядом со мной, на спинке стула. Я взял её, перевернул. На правом локте разошёлся шов, остались две нитки.

На фотографии торчали те же две нитки.

Я начал снимать штаны.

Олег смотрел на меня, не понимая. Я стянул их вместе с носками, остался в трусах и футболке.

Обновил страницу.

Человек лежал в трусах и футболке.

В сообщении под фотографией написали:

«Возможна дезориентация. Снимает одежду. Ускорить».

Дополнение. 04:47

Я спросил человека из архива прямо: как выйти?

Он ответил:

«Им нужен тот, кто подтвердит».

«Что подтвердит?»

«Что нашли тебя».

Я сидел в кухне, держал в руках телефон. Олег стоял возле окна. За ним, в чёрном стекле, отражалась комната.

В отражении нас было трое.

Третий стоял у стола. Чуть склонив голову, рассматривал что-то внизу.

На нём был оранжевый жилет.

Я попросил Олега отойти от окна. Он не стал оглядываться.

В архивном чате пришло ещё одно сообщение:

«Один должен посмотреть. Второй потом уходит».

Я спросил, кто смотрел вместо него.

Он прочитал.

Впервые за весь разговор статус «печатает» не появился.

Я написал ещё раз.

Он ответил:

«Жена».

Олег стоял рядом. Я видел, как он прочитал это слово.

— Даже не думай, — сказал он.

Я всё ещё не уверен, что человеку из архива можно верить. Он мог лгать или повторять то, что когда-то сказали ему.

Но когда он прислал номер женщины-координатора, с которой якобы можно договориться, я узнал его.

Это был мой номер.

Я заблокировал чат.

В ту же секунду внизу, под окном, закричали:

— Нашли!

Я упал со стула.

Вместо пола под ладонями оказалась мокрая хвоя.

Обновление. 06:09

Пишет Олег. Андрей попросил продолжить, если он не сможет.

Он здесь. Дышит. Я вижу его, но не могу до него дотянуться.

Пол кухни примерно наполовину остался нормальным. Возле холодильника линолеум. Дальше земля, корни, склон. Стол стоит двумя ножками на полу, двумя в овраге. Держится за счёт стены.

Андрей лежит ниже. Метрах в четырёх. Я привязал к батарее простыню, он пытался схватить, но она всякий раз ложится рядом с ним. Как будто до неё дальше, чем кажется.

Там люди. Ходят с фонарями. Подошли уже близко, но Андрея не трогают.

Спрашивают меня, он ли это.

Я не отвечаю.

Сначала думал, что они не могут опознать. Теперь думаю, могут. Просто нужен мой ответ.

Андрей велел написать, чтобы никто не смотрел на фотографию. Мы её сюда не прикрепляли. Если появится в комментариях, не открывайте.

Я сам посмотрел, когда он ещё был на кухне.

Поэтому они и спрашивают меня.

Обновление. 06:42

Андрей говорит, что возле него звонит телефон.

Звук идёт из кармана человека, который лежит рядом.

Я вижу только одного Андрея. Он говорит, что их там двое.

Просил набрать его номер. Я набрал.

Телефон в моей руке ответил сам. На экране написано, что идёт вызов. Я слышу своё дыхание с задержкой.

Потом оттуда спросили:

— Вы можете подтвердить личность?

Я выключил.

Андрей смеётся. Не потому что смешно. Говорит, всё время боялся, что его найдут мёртвым, а они всё равно никак не могут закончить.

Потом сказал мне уходить.

Дверь в квартиру открывается. На площадке пахнет краской. Только я спускаюсь на один пролёт — и слышу, как он зовёт.

Возвращаюсь, спрашиваю, что случилось.

Он говорит, не звал.

Обновление. 07:18

Мы придумали, что делать.

Я закрою тему. Полностью, для всех, вместе с модераторами. Андрей думает, если они перестанут видеть ориентировку, не смогут получить подтверждение.

Когда я скрывал её вчера, квартира исчезала. Но тогда она оставалась в моём доступе. Теперь доступ снимем у всех.

У меня открыт журнал действий. Последнее, что я сделаю, — заблокирую свой аккаунт. Сессию тоже отзовёт.

Если получится, напишем с другого.

Если нет, пожалуйста, не восстанавливайте тему из резервной копии.

Это касается и тебя, Олег.

Извини. Последнюю строчку Андрей продиктовал. Я не сразу понял.

Обновление. 11:54

Я дома.

Пишу со старого аккаунта. Пароль нашёл в браузере на рабочем ноутбуке.

Не знаю, получилось ли у нас. Помню, как нажал «Закрыть». Потом оказался в машине. Утро, двигатель работает, телефон на сиденье. На ботинках грязь.

В квартире Андрея никого. Я ездил с полицией. Они открыли дверь при хозяйке.

Кухня обычная. Стол, холодильник, линолеум. Батарея пустая. Никакой простыни.

Хозяйка сказала, что Андрей съехал прошлой осенью.

У меня в телефоне есть его сообщения за вчерашний день. Она посмотрела, пожала плечами. Сказала, что не знает, где он теперь живёт.

Полиция записала мои данные.

Я приехал домой, хотел лечь. Потом открыл этот пост.

Думал, что хоть здесь осталось, как всё было.

Первое сообщение есть. Комментарии есть. Все дополнения до шести утра написал Андрей — я их помню, мы сидели рядом.

А дальше автор тот же.

Пользователь «кедр_у_дома».

Вплоть до строчки «Я дома».

Я сейчас печатаю с аккаунта Андрея.

Вышел. Проверил сохранённый пароль. Почта моя. Дата регистрации моя. Даже фотография моего кота в профиле.

Но имя — Андрей.

Комментарий пользователя проходной_балл, 12:07
Вы написали «Это касается и тебя, Олег». Кто это продиктовал?

Ответ автора, 12:11
Он лежал внизу. Я слышал его.

Комментарий пользователя проходной_балл, 12:13
А до того вы слышали, как он вас зовёт с лестницы. Но он говорил, что не звал.

Последнее обновление. 12:26

Мне пришла новая заявка.

На резервную почту, которой я уже несколько лет не пользуюсь. Уведомление из технического архива.

Фотография загружается медленно. Уже вижу капот своей машины. Кофейный стаканчик на крыше.

Пропал мужчина. Тридцать восемь лет.

Последний раз достоверно установлен в жилом помещении.

Я написал в поддержку. Попросил проверить, кто создал тему.

Они ответили, что заявитель только что подтвердил публикацию.

Контактное лицо — Андрей.

Он ожидает у места обнаружения.

История четвёртая. Ужин на двоих

Пользователь: без_гарнира
Опубликовано: среда, 18:27

Я знаю, что нельзя соглашаться на подозрительную работу в чужом доме. Особенно если за неё платят слишком много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.